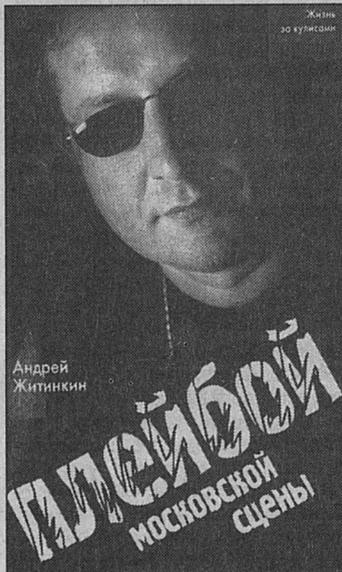

От себя до авторитетов

Рубльтурр. — 2003. — 3-9 июля. — с. 8

Пожалуй, название “Плейбой московской сцены”, избранное издателями (надо догадывать, по торговым соображениям) для книги режиссера Андрея Житинкина, способно для самого автора сослужить недобрую службу, лишив его тех читателей, которые заведомо пренебрегают подобного рода приманками. Впрочем, вряд ли правомерно и предъявлять счет тем, кто, представляя книжный опус этого режиссера, сыграл по законам его же театра: “Я обманываю обывателя, предлагая ему скандальные названия или сюжеты, а уходит он, как правило, загруженный серьезной информацией”. На самом деле этот режиссерский поток сознания не столько ориентирован на обывателя, сколько на почитателей “бисерных игр”, способных оценить интеллектуально-стилистические достоинства не только мыслей, но и пера автора.

А за перо театральные режиссеры берутся, видимо, по велению природного инстинкта защиты своего детища от полного улетучивания. Ведь уже сформулировалось расхожее мнение, что всю жизнь они занимают “просто воздухом”. Эту метафору Житинкин постарался опозитизировать: “Спектакль каждый раз рождается заново и в конце вечера вновь умирает. Это, как солнце — каждое утро восходит, а вечером — падает в море. Может быть, Театр — это вообще часть Природы?”. Кажется, что для Житинкина текст — не сценический, а именно запечатленный на бумаге — существует своей возможностью провозгласить природу режиссуры явлением

Андрей Житинкин

литературно-философского порядка. О своей профессии он готов заявить с вызовом “горлана-главаря”: “Я — режиссер. Этим и интересен”; мысля ее в одном ряду с “генетикой” и “космосом” — “если говорить об открытиях двадцатого века, коих наберется не так уж и много!”. Но, пожалуй, для Житинкина самый мощный искус (он же — и непреложное должествование) в том, что “режиссура — ведь это всегда вопреки, какой бы режим ни был на дворе... Настоящая режиссура — нарушение порядка. Причем любого”. Раскрывая читателю свою личную записную книжку режиссера, он располагает в ней понятия по алфавиту, пе-

ревернутому на 180 градусов, — “От Я до А”. Таким образом, собственная персона оказывается в авангарде, а замыкает перечень тем, достойных режиссерского внимания, главка “Авторитеты”. Хотя вполне возможно трактовать такой ход как центробежное восприятие — движением точки своего “я” к просторам первооснов.

Принцип единства противоположностей Житинкин настойчиво проповедует своим режиссерским методом: “Моя эстетика — симбиоз метафоры и натурализма. Это мое личное открытие”. Однако ж здесь позволите усомниться в “открытии”. Не те же ли дрожжи бесились в экспрессионизме и извергались поэтикой сюрреализма? Скорее всего, в этом заявлении — момент очередной провокации режиссера. Но несомненно то, что безукоризненное следование этому “симбиозу” Житинкин-режиссер естественно переносит и на свою прозу, и на самую ранимую область — стихи, хрупкость которых явно оберегает и маскирует, нарекая их “поэтическими перформансами”. И вот на этой-то площадке режиссер позволяет себе опровергнуть свое же собственное убеждение в том, что его “самый главный судья” — публика:

*Если тихо уходит ПОЭТ,
Не рождая в потомках отзвучья,
Значит, их как бы вроде и нет —
Есть планета безмозглая, сучья.*

Лариса ДАВТЯН

Житинкин А. Плейбой московской сцены. — М.: ООО “Издательство Астрель”; ООО “Издательство АСТ”; 2003.